

УДК 159.96

Проблема взаимосвязи стигматизации и предубеждений в подростковом возрасте

С.Л. Богомаз

Ключевые слова: личность, стигматизация, предубеждения, подростковый возраст

Психологическое содержание категории стигматизации

Под стигматизацией понимается неоправданно негативное отношение к человеку (группе), проявляющееся в соответствующем неоправданно негативном поведении по отношению к нему.

Отличительной характеристикой стигматизации является необоснованность, несправедливость, незаслуженность такого отношения к стигматизируемому [1]. Он выступает в роли козла отпущения для стигматизаторов, то есть «человека, на которого постоянно сваливают ответственность» [2]. Стигматизация – поиск козла отпущения в ответ на кризисные, фрустрирующие, угрожающие ситуации, стратегия адаптации в таких ситуациях [3]. Стигматизаторы таким образом осуществляют разрядку от возникающего при этом напряжения, избавляются от дискомфорта. Стигматизация позволяет поддержать равновесие, избежать ответственности и чувства вины за свои проступки и неудачи, оправдать свои недостатки и поддержать самоуважение, компенсировать чувство неполноценности, добиться подчинения себе других и повысить свой статус и т.д.

Обращение к стигматизации может быть как рациональным и осознанным, так и иррациональным, базирующимся на неосознанной мотивации.

Стигматизации подвергаются индивиды, обладающие атрибутами, компрометирующими их в глазах других [4]. Эти атрибуты являются предпосылками их стигматизации. Человек, выбранный на роль козла отпущения, становится жертвой процесса стигматизации, объектом для обвинений, осуждений, враждебности, подвергается насмешкам, оскорблениям, различного рода нападкам, агрессивному поведению со стороны стигматизаторов. Стигматизация, таким образом, помогая избавиться от напряжения и поддержать самоуважение одним, может иметь негативные последствия для других (заниженная самооценка [4], выученная беспомощность, неадекватный атрибутивный стиль и т.д.). Хотя в некоторых случаях стигматизированный получает возможность удовлетворить в процессе стигматизации какую-то свою потребность, в частности, компенсировать таким образом недостаток внимания.

Таким образом, стигматизация – сложный процесс, в который вовлечены, с одной стороны, стигматизаторы, а с другой – стигматизируемые. Последние выступают в козла отпущения, крайнего, мальчика для битья по отношению к первым.

Исторические корни процесса стигматизации уходят в глубокую древность [4]. Попытки избежать ответственности за совершенные проступки, ослабить крайне неприятное чувство вины предпринимались уже в то время. Процесс стигматизации тогда выступал в форме разнообразных ритуалов очищения. Особенности процесса стигматизации, как древнего ритуала, связаны с верой людей в существование всевидящего наблюдателя – бога, который мог наказать и наградить, а также с недостатком знаний для рационального объяснения происходящего. Люди стремились умиловить бога, чтобы избежать болезней, катастроф и других бедствий, символически перекладывая груз вины и ответственности за совершенные проступки на других людей, на животных или какие-то неодушевленные предметы. Ритуал периодически повторялся. Люди стремились обрести прощение за свои грехи и плохие поступки, чтобы избежать гнева всевидящего бога и выжить. Таким образом, в древности процесс стигматизации выступал как ритуал очищения и был обусловлен стремлением к выживанию.

Отсюда пошло и выражение козел отпущения (искупления). Оно возникло из описания существовавшего у древних евреев особого обряда возложения грехов всего народа на живого козла. В день грехоотпущения первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него грехов еврейского народа, после чего козел изгонялся в пустыню. В настоящее время выражение употребляется в значении: человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, ответственность.

Изменения, произошедшие с давних пор, в особенностях процесса стигматизации во многом связаны с изменениями в обществе: рост его размеров, урбанизация, индивидуализация жизни его членов, развитие средств массовой информации. Общество стало более разнородным по своему составу. Важно отметить процесс его секуляризации. В светском нерелигиозном обществе функцию наблюдателя, карающего и награждающего, выполняет не бог, а оно само или какая-либо его часть. Общественные институты могут придать непристойное поведение огласке, вызвать критику, общественное осуждение, обвинение и наказание. Накопление знаний привело к замене мистических, иррациональных объяснений происходящего рациональными, научными. Хотя возможности таких объяснений по-прежнему ограничены, и многие аспекты своей жизни люди объясняют при помощи таких понятий, как судьба, удача, сглаз и так далее. Несмотря на все эти изменения, суть процесса стигматизации в современном обществе остается во многом той же. Люди по-прежнему совершают социально нежелательные поступки и стремятся избежать наказания, предупредить негативные последствия своего поведения, освободиться от груза ответственности, перекладывая ее на плечи других людей, уменьшить или облегчить свою вину и возникающее в результате внутреннее напряжение. Но данный процесс уже нельзя назвать ритуалом очищения. Это скорее механизм адаптации, а точнее псевдоадаптации, индивидуальная или групповая стратегия выживания, техника самосохранения, поддержания самоуважения [3, с. 33]. О стигматизации говорят как о псевдоадаптацией, т.к. она ведет лишь к ослаблению напряжения, сохранению равновесия, смягчению внутреннего конфликта, поддержанию самоуважения и другим часто кратковременным эффектам, но не является продуктивной, так как чревата негативными последствиями для стигматизируемых, а имеющиеся проблемы, заставившие человека искать козла отпущения, остаются непреодоленными. Таким

образом, стигматизацию можно определить как неадекватную стратегию адаптации или псевдоадаптации. К ней прибегают в малых группах и крупных организациях, на уровне межличностных отношений и межгруппового взаимодействия.

Стигматизация и предубеждения

Для понимания природы стигматизации важно рассмотреть связь стигматизации с предубеждениями людей.

Стигматизация характеризуется предвзятым, негативным отношением к человеку, выступающему в роли козла отпущения. Последний вызывает к себе неприязнь, враждебность стигматизаторов, у которых формируется убеждение о негативных характеристиках, чертах этого человека, зачастую необоснованное и ошибочное, то есть предубеждение. Таким образом, стигматизация, проявляясь как неоправданно негативное отношение к стигматизируемому, есть предубеждение к нему.

Та социальная группа, по отношению к представителям которой сформировано предубеждение, называется стигматизированной группой [5]. На представителей стигматизированной группы навешивается ярлык, за которым скрыто негативное стереотипное представление о его носителях. «Ярлык содержит минимум информации, практически всегда основан на личном мнении и предрассудках ярлыкодателя и зачастую направлен на то, чтобы вызвать у человека стойкую негативную эмоциональную реакцию» [6, с. 68, 69]. Нередко ярлык появляется раньше, чем то качество, на которое он указывает. Навешивание ярлыков приводит к выработке соответствующих этому ярлыку ожиданий от человека и определенной линии поведения по отношению к нему. В результате имеет место самореализующееся пророчество – явление, которое приобрело широкую известность с легкой руки Роберта Мертона. То, во что человек верит (ярлык) в отношении другого человека или группы людей, служит формированию реальности, подтверждающий эту веру [7]. Предубеждение, негативное представление о стигматизируемом, таким образом, может найти в результате подтверждение в его поведении.

Предубеждения могут быть привнесены извне, из социального окружения, усвоены в ходе социализации, но могут быть и результатом личного опыта. Они служат целям оправдания негативного отношения и поведения и рационализации негативных чувств. Соответственно по отношению к человеку, выступающему в роли козла отпущения, у стигматизатора может сформироваться предубеждение как оправдание его негативного отношения и неприязни к стигматизируемому, которые без этого предубеждения были бы неоправданными.

Предубеждения создают и сохраняют дистанцию между людьми, являются причиной непонимания, разногласий, источником конфликтов и столкновений, враждебности, дискриминации, ограничивают позитивный опыт социальных контактов, препятствуют объективности, адекватности, обоснованности, независимости интерпретаций и оценок происходящего и готовят тем самым благоприятную почву для стигматизации.

Явление стигматизации, таким образом, неразрывно связано с предубеждениями. Предубеждения могут выступать в качестве предпосылок стигматизации и в качестве ее результата, служа целям рационализации, оправдания негативных чувств и негативного поведения к стигматизированному. Они готовят почву для стигматизации и проявляются как

стигматизации (заклеймение, навешивание ярлыков, неоправданно негативное отношение), способствуя разрядке от напряжения, поддержанию самоуважения, сохранению равновесия, освобождению от груза ответственности и очень неприятного чувства вины.

На тесную связь стигматизации и предубеждений указывает также наличие так называемой «теории козла отпущения» [8] как объяснительного подхода к рассмотрению межгрупповых отношений, в том числе и предубеждений. С точки зрения этого подхода, стигматизация и предубеждения имеют одинаковую природу, являясь результатом фрустрации, заставляющей искать подходящий объект агрессии, то есть козла отпущения.

Безусловно, предубежденность и стигматизацию не стоит отождествлять. Предубеждения достаточно разнообразны, и стигматизация лишь один из возможных вариантов их проявлений в межличностных и межгрупповых отношениях – проявление неприязни к другим, служащее вполне определенным целям о которых уже упоминалось ранее. При этом стигматизация, как и предубеждение, это негативные представления, негативные чувства и готовность к негативному поведению, а также само негативное поведение (обвинение, оскорбление, насмешки и т.д.), приводящее к разрядке от напряжения, позволяющее избежать дискредитации собственного я, компенсировать свои недостатки, подчинить других себе и добиться признания, переложить груз вины и ответственности на козла отпущения.

Таким образом, стигматизацию можно рассматривать в структуре предубеждений как предвзятое, неоправданно негативное отношение к стигматизируемому, сопровождающееся агрессивным поведением. В силу сказанного выше, для объяснения природы стигматизации приобретают значение теоретические подходы к рассмотрению предубеждений и, что еще более важно, пути преодоления предубеждений могут быть пересмотрены применительно к стигматизации.

Природа феномена стигматизации и его специфика

Существуют различные теоретические подходы к объяснению природы феномена стигматизации. Ни одно из существующих объяснений не является универсальным: они дополняют друг друга.

Была предпринята попытка объяснить феномен с помощью теории фрустрации – агрессии, авторами которой являются Дж. Доллард и его коллеги. Основная идея состоит в том, что если человек совершает агрессивные действия, то или он или очень важная для него группа фрустрированы. И наоборот: когда человека или группу фрустрируют, то с их стороны можно ожидать агрессивного поведения. Фрустрация определяется как «блокирование целенаправленного поведения» [9], а агрессия как «любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [10].

Дальнейшие исследования показали, что существуют неагрессивные реакции на фрустрацию: фрустрация порождает различные модели поведения, и агрессия является лишь одной из них. Агрессия, в свою очередь, может возникать не только в результате фрустрации. Она является следствием многих факторов и может проявляться при полном отсутствии фрустрирующих обстоятельств.

Для понимания феномена стигматизации и предубеждений важное значение имеет следующее предположение Долларда и соавторов: влияние следующих друг за другом фрустрирующих событий сохраняется в течение определенного времени и может быть совокупным (то есть происходит нарастание внутреннего напряжения), а все агрессивные акты при этом играют роль некой формы катарсиса, разрядки от напряжения.

Во многих фрустрирующих ситуациях человек не в состоянии прямо выразить свою агрессивность по отношению к фрустратору (или со стороны последнего можно ожидать ответных агрессивных действий, или источник фрустрации не совсем ясен, или же он находится в самом индивиде). Возможно также влияние моральных норм и принципов. Во всех подобных случаях выбираются новые объекты для агрессии, которые не имеют никакого отношения к фрустрации, невиновны и неспособны к удовлетворительной самозащите, хотя именно фрустратор является наиболее подходящим или желательным объектом для разрядки агрессии. Происходит перемещение агрессии, наиболее распространенной разновидностью которого является поиск козла отпущения. Исследование авторитаризма показало, что члены группы, которой руководит авторитарный лидер, применяющий, главным образом, отрицательные санкции и фрустрирующий своих подчиненных, более агрессивны по отношению друг к другу, чем члены группы, руководимой в демократическом стиле [3, с. 115].

Миллер предложил следующую модель, объясняющую появление смещенной агрессии, а следовательно и феномена стигматизации. Выбор агрессором жертвы в подобных случаях, с его точки зрения, обусловлен тремя факторами: 1) силой побуждения к агрессии; 2) силой факторов, тормозящих данное поведение; 3) стимульным сходством каждой потенциальной жертвы с фрустратором. При этом барьеры, сдерживающие агрессию, исчезают более быстро, чем побуждение к подобному поведению, по мере увеличения сходства с фрустрировавшим агентом [10, с. 41–42].

Л. Берковиц внес поправки и уточнения в теорию фрустрации – агрессии. Он утверждает, что агрессивные стимулы (например, фрустрация, боль, дискомфорт) создают готовность к агрессивным действиям. Агрессивное поведение возникает лишь тогда, когда присутствуют соответствующие посылы к агрессии. Стимул может приобрести значение посылы, если связан с позитивно подкрепленной агрессией или ассоциируется с пережитым ранее дискомфортом и болью. Роль посылов к агрессии могут играть люди с определенными чертами характера, становясь объектами нападков, подвергаясь стигматизации. Берковиц полагал даже, что люди с физическими отклонениями притягивают к себе страдания и становятся объектами враждебности, поскольку их дефект играет роль посылы к агрессии, провоцируя людей на их стигматизацию.

Еще одно объяснение феномена стигматизации – это объяснение с помощью механизма проекции. Проекция заключается в «бессознательном приписывании субъектом имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, черт и мотивов другим людям» [11]. Те отрицательные эмоции, которые направлялись бы против себя, при этом направляются на объекты проекции, и субъекту удается таким путем сохранить высокий уровень самоутверждения. Таким образом, согласно этой позиции, процесс стигматизации состоит в открытии индивидом плохих качеств собственного я и, как утверждает Aronson, образовании диссонанса восприятия индивидом себя. Диссонанс

вызывает неприятные переживания, дискомфорт и стремление от него избавиться, снизить возникшее несоответствие. Затем происходит проекция неприемлемой части себя на других и наказание тех других за обладание этими неприемлемыми качествами, поведением и намерениями. Приговор, выносимый таким образом стигматизируемому, фактически относится к неосознаваемому содержанию проецирующего стигматизатора.

К.Г. Юнг, родоначальник аналитической психологии, в архетипической структуре личности рассматривает архетип тени [12]. Тень воплощает непризнаваемые, несовместимые с сознательно избранной установкой стремления и качества. Это низшая часть личности, ее темные аспекты, сумма всех тех непривлекательных качеств, которые мы предпочитаем скрывать, вместе с недостаточно развитыми функциями и содержанием личного бессознательного.

Бессознательное и вытесненное содержание психического, как отмечалось выше, минуя сознание, легко проецируется на окружающие объекты. Подобная экстернализация вызывающих беспокойство психических содержаний – способ, который позволяет тени обрести внешнее выражение. Тень проецируется на других. Человек просто обвиняет своего врага в недостатках, которые не хочет признать за собой. Он злится на непризнаваемые им части собственного существа. Лучший способ распознать отрицательную проекцию и научиться понимать свою тень – это обратить внимание на тех людей, которые вызывают особенно сильное беспокойство, враждебность и злобу. Таким образом, в терминах аналитической психологии стигматизация и предубеждения есть результат проецирования тени на окружающие объекты. Причем зачастую объект выполняет роль «крючка» для проекции и даже активно «приманивает» ее. В этом случае проецирующий и получатель проекции, стигматизатор и стигматизируемый становятся «одной душой» и нуждаются друг в друге для своего душевного равновесия и просто существования, даже если в процессе этих странных взаимоотношений и разрушают друг друга. Психика человека нуждается во враге и даже вносит свой вклад в его создание.

Сознательное отношение и терпимость к тени сдерживают проецирование негативных качеств психического на других и произвольную потребность в создании врагов.

Специфическая форма проекции – вымещение, то есть бессознательная переориентация импульса или чувства с одного объекта на другой, более доступный [13]. Например, свои неприятности на работе может выместить на членах семьи.

Была предпринята попытка объяснить феномен стигматизации и предубежденность людей их склонностью испытывать генерализованную враждебность по отношению к тем, кто не принадлежит непосредственно к их общности, отличается от них [1, с. 118–119]. С точки зрения этого объяснительного подхода, в определенных обстоятельствах, особенно когда на карту поставлена собственная жизнь, все люди способны оскорбить, унижить, быть очень грубыми и жестокими. Наш век предоставил достаточно примеров (в которые зачастую трудно поверить) того, каким злым, жестоким может быть человек (группа, общество), какую боль он может причинить другим.

Сторр изучал нетерпимость людей к стигматизированным меньшинствам. Он попытался объяснить наличие генерализованной враждебности следующим образом. Он предположил, что люди имеют некоторые представления о страдании другого чело-

века, так как способны идентифицировать себя с этим человеком. Это возможно, благодаря опыту беспомощности и зависимости в детстве. Из этой идентификации вытекает способность как к состраданию, так и к жестокости. Подразумевается также, что люди обладают склонностью верить в логически непрочные факты о других, подозревать других и получать удовольствие, заставляя их страдать. Подозрение и враждебность к другим тесно связаны с такими явлениями, как предубеждение, зависть, невежество, восприятие различий, а также чувством собственного превосходства над другими. Угрожающие ситуации служат пусковым механизмом для проявления до этого скрытой генерализированной враждебности в форме стигматизации. Существует гипотеза, согласно которой подозрение других и враждебность к ним имеют свои корни в жестком, посредством угроз воспитании в детстве.

Теодор Адорно и его коллеги ввели понятие авторитарной личности [8, с. 33]. Их гипотеза состояла в том, что существуют люди, предрасположенные к предубеждениям. Работая в рамках фрейдистского подхода, они считали, что в ходе развития личности происходит подавление и вытеснение различных инстинктивных потребностей под давлением социальных норм. Главными агентами социализации являются родители. Если они используют излишне жесткий дисциплинарный режим, требуя от ребенка строгого соблюдения социальных норм и не предоставляя ему тем самым возможности самовыражения, то у ребенка возникает естественная агрессия по отношению к ним, которая переместится на альтернативные цели. Конечный результат – формирование авторитарной личности. Такие люди характеризуются следующими качествами [1, с. 120]:

1. Их убеждения отличаются высокой твердостью и непреклонностью.
2. Их система ценностей конвенциональна.
3. Они не могут мириться со слабостью в себе и других.
4. Они убеждены что людей следует наказывать за нарушение социальных норм и не стоит пытаться их понять.
5. Они характеризуются высокой подозрительностью, особенно при столкновении с чем-то незнакомым.
6. Они испытывают огромное уважение к власти и строго следуют ее указаниям.

Такие люди склонны к фрустрации в значительной степени и стремятся обвинить в таком состоянии окружающих. Имеет место процесс стигматизации. Данный подход объясняет склонность отдельных лиц к предубеждениям и стигматизации. Предубежденность и стигматизация в малых и больших социальных группах не объясняются данным подходом.

Существует также объяснение феномена стигматизации с точки зрения теории атрибуции, согласно которой люди стремятся объяснить себе причины наблюдаемых событий и фактов. Как отметили Рейвен и Рубин, «человеку очень трудно удержаться от предварительных обвинений, признания заслуг, определения ответственности за произошедшее» [1, с. 128]. Теории атрибуции проясняют, как человек интерпретирует свое поведение и поведение других людей, как осуществляет локализацию причин наблюдаемых событий, делает вывод о намерениях и диспозициях, лежащих в основе поведения. Все, что человек видит, – это действия, о причинах которых он может только строить гипотезы. В ситуации затруднений фрустрации, эти гипотезы наименее точны.

В случае стигматизации, после возникновения в группе проблемы, состояния фрустрации осуществляется заключение о намерениях и диспозициях определенных ее членов. Если их намерения признаются негативными и враждебными, то они обвиняются в неудачах группы, возникновении в ней трудностей и подвергаются стигматизации.

Особый интерес представляет та часть теорий атрибуции, которая анализирует вопрос о приписывании ответственности за какие-либо события. Ведь процесс стигматизации направлен на то, чтобы снять с себя груз ответственности за свои неудачи, проступки, приписав ее другому.

В пользу существования самозащитной атрибуции ответственности у личности свидетельствует множество экспериментальных фактов, которые указывают на искаженное восприятие людьми последствий происшествий и пристрастное приписывание ответственности за них [14, с. 130].

В реальной жизни наблюдаются «ошибки» атрибуции – отклонение реальной каузальной атрибуции от «идеальных» моделей. Атрибуция проводится так, чтобы ее результаты не противоречили представлениям человека о себе, чтобы подтверждать самооценку. Имеет место мотивационная предубежденность атрибутирующего. Джоунс и Нисбетт описали психологический феномен, названный ими «дивергентным восприятием причин поведения деятелем и наблюдателем» [14, с. 133], известный также как фундаментальная ошибка атрибуции. Они считали, что атрибуции действующего лица и наблюдателя события расходятся, и описали атрибуцию воспринимающего как диспозиционную, а атрибуцию деятеля как ситуационную. «Если собственное поведение объясняется прежде всего особенностями ситуации и условиями окружающей среды, то оценивающий партнер приписывает наблюдаемое им поведение почти исключительно личностным свойствам действовавшего» [15]. Стигматизаторы, выступающие в качестве наблюдателей, таким образом, склонны рассматривать поведение жертвы как определяемое исключительно ее диспозициями и намерениями. Если последние воспринимаются как негативные, человек подвергается обвинениям и нападкам. Жертва же в подобных случаях объясняет свои действия как обусловленные ситуацией.

Харви со своими сотрудниками предположил, что атрибуции ответственности деятеля и наблюдателя также не совпадают [14, с. 133–134]. С их точки зрения, деятель стремится приписать себе тем меньше ответственности (с тенденцией приписывать ответственность другим, что и наблюдается в процессе стигматизации), чем более серьезным будут последствия его поведения. Наблюдатель же более склонен приписывать ответственность деятелю.

Существуют индивидуальные различия в атрибутировании. Роттер ввел понятие локус контроля, указывающий на склонность людей возлагать ответственность за происходящее либо на внешние (экстернальность), либо внутренние, личностные (интернальные) факторы. Можно предположить, что склонность осознанно или неосознанно избегать ответственности за возможные или уже случившиеся неудачи, неприятности, проступки является, таким образом, результатом «защитной» экстернальности.

Можно также предположить, что в закреплении за человеком роли козла отпущения для окружающих не последнюю роль играет его стиль атрибутирования, то, как он объясняет себе отношение к нему окружающих. Так, использование человеком де-

прессивного атрибутивного стиля («Все плохое – всегда моя вина») приводит к тому, что стигматизатор, склонный сваливать ответственность на других, и этот человек как жертва стигматизатора взаимно дополняют друг друга.

Закреплению за человеком роли козла отпущения способствует действие феномена веры в справедливый мир, открытого М. Лернером: человек не хочет верить, что с ним без его вины может случиться что-то плохое [5, с. 133]. Вера в справедливый мир обуславливает антипатию к жертве стигматизации («Он заслужил такое отношение, так как мир справедлив»). Если выясняется, что жертва невинна, то для восстановления веры в справедливость еще больше обостряется отвержение невинной жертвы, неприязнь к ней, усиливается ее стигматизация.

Существуют личностные характеристики человека, особенности его поведения, которые являются предпосылками его стигматизации и способствуют закреплению за ним роли козла отпущения. Задачи профилактики и преодоления стигматизированности требуют знания специфики феномена стигматизации и ее предпосылок.

В качестве главного фактора, определяющего потенциальную жертву стигматизации Дуглас выделил видимое, наблюдаемое отличие человека от большинства [1, с. 135]. Это основной способ выбора кого-то из членов группы на роль козла отпущения. Жертвой стигматизаторов становится человек, непохожий на них, не такой, как все. Вообще индивидуальные различия выполняют адаптивную функцию, составляют ресурсы группы, способствуют ее развитию, расширяют и углубляют ее возможности, повышают продуктивность при решении групповых задач и достижении поставленных целей, являясь при этом приемлемым и значимым. Неординарность и индивидуальность ценятся высоко и приветствуются окружающими. Но отличие, которое было приемлемым в обычных обстоятельствах, когда дела шли хорошо, рассматривалось как полезное, может достаточно быстро стать фрустрирующим, раздражающим, вызывающим неприязнь, предубеждение, враждебность по отношению к его носителю, особенно если группа находится на переходном этапе своего развития, когда она наиболее уязвима. Человек, ставший жертвой стигматизации, рассматривается как препятствующий дальнейшему существованию группы, ее прогрессу, достижению поставленных целей, особенно если он мало участвует в делах группы, является некомпетентным. Отличие может касаться как негативных сторон человека, например, его некомпетентности, так и позитивных, например, более высокий уровень интеллектуального развития по сравнению с остальными может быть раздражающим, вызывающим неприязнь и предубежденное отношение. В периоды отчаяния, сильного напряжения даже цвет волос может послужить предпосылкой для стигматизации человека. Степень отличия стигматизируемого от стигматизаторов служит своего рода мерой интенсивности напряжения последних, заставляющего культурных людей вести себя незтично и несправедливо по отношению к своему коллеге, делая из него козла отпущения.

В качестве еще одной предпосылки, определяющей выбор человека на роль козла отпущения, Фельдман и Водарски выделяют социальное бессилие [1, с. 138]. Оно предполагает низкую значимость человека для стигматизаторов, невлиятельность, низкий статус, некомпетентность, изолированность, а также неспособность отплатить, постоять за себя, дать отпор. Существует гипотеза, согласно которой с целью обезопасить

себя от ответных агрессивных актов, в качестве козла отпущения выбирают «безобидный объект». Но наличие социального бессилия не является обязательным условием для осуществления стигмации. На роль козла отпущения иногда выбираются и сильные, обладающие властью члены группы. Стигматизированным может стать лидер, руководитель. Этот тип решения связан с культурной моделью, согласно которой, если группа «действует плохо», это вина руководителя [13, с. 117]. Важно отметить, что, становясь козлом отпущения, человек приобретает ценность и значимость для стигматизаторов, так как позволяет им избавиться от неприятного чувства вины, ответственности, разрядить напряжение, выместить обиды и т.д. Поэтому во многих случаях имеет место неосознанное стремление стигматизаторов удержать человека, ставшего для них козлом отпущения, рядом.

Социальное бессилие не является абсолютно надежным критерием выбора жертвы, когда в качестве индикаторов слабости используются молчаливость и необщительность, которые также могут выступать мерой независимости и личностной силы. Берковиц и Грин критиковали гипотезу «безопасности». Они утверждали, что фрустрация вызывает враждебность, только если задевает чувство самоуважения, поддержать которое можно, обвиняя в своих неудачах не слабых, а более сильных и значимых лиц [1, с. 139].

По отношению к своей потенциальной жертве стигматизаторы испытывают неприязнь, антипатию. Среди характеристик, вызывающих неприязнь, различные авторы также выделили: сходство с фрустратором, отличие от большинства, провоцирующее поведение, раздражительность, повышенная тревожность, стремление продемонстрировать свое превосходство, удачливость, хвастливость, непринятие социальных норм, пренебрежение общими правилами, недисциплинированность, агрессивность, выражение неудовлетворенности своей группой и позицией в ней, болезненность и слабость, чувство вины, низкий уровень самоуважения, некоммуникабельность, а также наличие какого-то физического дефекта, психического расстройства. Антипатия к стигматизаторам может привести в действие принцип взаимности, в соответствии с которым людям несимпатичны и неприятны те, кому они не нравятся [16]. Л.Я. Гозман указывает на немаловажную роль внешнего облика, показывая, что часто некрасивый ребенок рассматривается как «плохой». «Не случайно именно некрасивым или страдающим каким-то физическим недостатком детям нередко приписывают дурные мысли и поступки» [17]. От менее «симпатичных» детей ждут плохого поведения. И, возможно, чувствуя пристрастность взрослых, ребенок пойдет им навстречу, оправдывая их ожидания по механизму самоподтверждающегося пророчества [13].

Важную предпосылку стигматизации составляют потребности стигматизируемого. Они могут усилить процесс стигматизации [1]. Например, принимая роль козла отпущения, человек удовлетворяет потребность во внимании, которую не смог удовлетворить каким-либо иным способом. Здесь срабатывает принцип: лучше такое внимание, чем вообще никакого. Goffman указывает, что процесс стигматизации усиливается, если стигматизированный в результате получает вторичный выигрыш, используя свое положение как «оправдание неуспеха который возник по иным причинам» [20, 21].

Стигматизации могут также способствовать особенности реагирования стигматизированного на негативное отношение к нему. Goffman говорит, что «мы можем воспринять его защитный ответ на ситуацию как прямое выражение его недостатка» [20, 16].

Для обозначения характеристик, вызывающих стигматизацию, он использует термин *стигма*, выделяя три типа таких характеристик [18]:

1. Физический дефект.
2. Недостаток характера (слабая воля, эмоциональность, высокомерность, нечестность и т.д.).
3. Родовая стигма (раса, национальность, вероисповедание и др.), которая может передаваться из поколения в поколение.

Goffman также указывает на тенденцию стигмы (*stigma*) к распространению, из-за чего люди избегают связи с ее носителями.

Переход из одной группы в другую часто не решает проблемы стигматизированности, освобождения от роли козла отпущения. Это может быть связано с формированием выученной беспомощности [15]. Сталкиваясь с многочисленными неудачами, человек как бы формирует своеобразную предуготованность к будущим неудачам (в данном случае, враждебность окружающих), снижает уровень ожидаемой эффективности, что, в свою очередь, обрекает его на новые неудачи. Он начинает вести себя как жертва – пассивно и неэнергично. Выученная беспомощность есть разновидность утраты веры в справедливый мир. Он соответствует пессимистическому (депрессивному) атрибутивному стилю. Антиципируя повторение неприятного прошлого в новой ситуации, человек неадекватно интерпретирует нейтральное отношение окружающих как негативное. Е. Мелибруда говорит о «самоподтверждающемся допущении: допуская, что партнер настроен исключительно враждебно, начинаешь обороняться от него, переходя в наступление. Видя это, партнер переживает враждебность к нам и наше предварительное допущение, хотя оно и было неверным, немедленно подтверждается» [19].

Для объяснения феномена стигматизации, понимания его природы, специфики применимы также теоретические подходы, описанные в предыдущей главе в отношении предубеждений.

Пути и средства преодоления стигматизации

Профилактика и преодоление стигматизации направлены на предотвращение ее негативных последствий и осуществляются с учетом ее природы и специфики.

Одна из возможных стратегий – обращение к причинам вызвавших стигматизацию проблем [1, 179–182]. В основе лежит убеждение, что работа с реальными причинами стигматизации, преодоление вызвавших ее трудностей приведет к отказу от нее. Данная стратегия, вероятно, является наиболее эффективной, равно как и сложной, так как причины стигматизации чаще всего не ясны, скрыты, а для их анализа требуется время для готовности стигматизаторов принять в этом участие.

Разрешение проблемы стигматизированности требует работы с жертвой этого процесса. Важно предоставить человеку поддержку и защиту от нападков стигматизаторов, объяснить ему суть происходящего, сделать минимальными негативные последствия для него.

Проблема стигматизированности связана с выработкой выученной беспомощности в ситуации стигматизации, ощущения неподконтрольности этих ситуаций, их неза-

висимости от личных усилий стигматизируемого. Поэтому вмешательство психолога должно осуществляться в направлении преодоления выученной беспомощности. Важно дать возможность человеку почувствовать, что он может контролировать ситуацию, повлиять на нее.

Для стигматизируемых характерен особый объяснительный стиль: нейтральное и даже позитивное отношение окружающих воспринимается как враждебное. Они антиципируют повторения неприятного прошлого и оно, по механизму самоподтверждающегося пророчества, становится реальностью. Атрибутивная терапия поможет выработать более адекватный, оптимистичный атрибутивный стиль.

Часто предпосылкой стигматизации человека является его неконформное поведение [1]. Тогда изменение этого поведения может привести к улучшению отношения окружающих. Если такое поведение направлено на удовлетворение значимых для человека потребностей, то необходимо продумать другие пути их удовлетворения, прежде чем изменять поведение.

Предпосылкой стигматизации может послужить также неспособность человека к удовлетворительной самозащите [1, с. 138]. Здесь могут помочь тренинги умений, уверенного поведения.

На роль козла отпущения чаще всего выбирают непривлекательного, низкостатусного человека. Зная факторы аттракции [16], можно вести работу в направлении повышения привлекательности для стигматизаторов их жертвы. Более близкое знакомство с человеком, взаимодействие с ним, демонстрация сходства его взглядов, убеждений, предпочтений и т.д. со взглядами и убеждениями большинства, участие и помощь в достижении значимых для стигматизаторов целей способствуют более благосклонному отношению к этому человеку. Важно показать конструктивную ценность жертвы для стигматизаторов.

Повышение статуса стигматизируемого возможно через стимуляцию равноправной коммуникации жертвы с высокостатусными людьми. Фельдман связывает низкий статус человека с недостатком адекватной информации о нем [1, с. 188]. Общение с человеком в процессе достижения общих целей позволит лучше его узнать и изменить отношение к нему.

Преодоление стигматизации требует привлечения к разрешению проблемы и самих стигматизаторов. Последние зачастую не замечают за собой своего неприемлемого поведения по отношению к стигматизируемому, считая его вполне естественным. Важно привлечь их внимание к происходящему, указать на иррациональность и необоснованность враждебного отношения, незтичность их поведения, его противоречие системе ценностей. Как отмечает Роквич, сопоставление своего поведения, образа я и иерархии ценностей заставит пересмотреть отношение к стигматизируемому [20].

Важно также обсудить возникшую ситуацию, сопоставить различные точки зрения на происходящее и выработать на замену стигматизации альтернативный способ освобождения от напряжения, преодоления дистресса, поддержания самоуважения и т.д. Коуджер предлагает следующий вариант [1, с. 184–185]. Каждый член группы должен сообщать о состоянии дистресса, запускающем стигматизацию, а остальные должны уделить ему достаточно внимания, рассмотреть возникшую ситуацию. Это возможно в атмосфере взаимного доверия.

К разрешению проблемы стигматизации важно привлечь руководителя группы, в которой стигматизация имеет место, авторитетное для стигматизаторов лицо. Демонстрируя позитивное отношение к жертве стигматизации, он может повысить ее привлекательность. Руководитель может встать на защиту стигматизируемого, хотя рискует испортить отношения с другими членами группы. В крайних случаях он может подавить стигматизаторов, используя свою силу и власть. Рекомендуется использовать демократический стиль руководства, который создает менее благоприятную почву для стигматизации, чем авторитарный стиль.

Снизить интенсивность процесса стигматизации можно также, отвлекая внимание стигматизаторов на другую, более актуальную проблему или удалив стигматизируемого из группы на время или, в крайних случаях, навсегда. Последнему почти неминуемо найдется замена среди оставшихся членов группы или имеющих к ней отношение людей. Поэтому, как и в предыдущем случае, необходимо обратиться к причинам стигматизации и направить усилия на их преодоление.

Методология и методы исследования

Основным методом исследования, описанного в данной работе, является техника репертуарных решеток. Это метод исследования личности, позволяющий выявить и описать качественные особенности индивидуального сознания, реконструировать систему смысловых параметров, лежащих в основе восприятия данным конкретным индивидом себя, других людей, объектов и отношений. Это направление психодиагностики развивается на основе теории личностных конструктов Дж. Келли [21].

Келли предложил «уравнять в правах» испытуемых и психологов. Он рассматривал каждого человека как ученого, исследователя, который не просто реагирует на стимулы и усваивает поступающую извне информацию, но выдвигает обоснованные гипотезы, проверяет их на практике, строит свою собственную «теорию мира» и человеческих отношений. Это положение теории личностных конструктов Дж. Келли отражает сущность техники репертуарных решеток. Она направлена на решение задач диагностики уникальных и изменчивых личностных качеств [22]. Келли предлагает идеографический подход к изучению субъективного опыта.

Основное понятие о теории Келли, лежащее в основе метода, – это понятие конструкта. «Под личностным конструктом понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей» [23]. Это самостоятельное смысловое образование, средство дифференциации объектов, созданное самим человеком, проверенное им на практике. В самом общем виде конструкт – это биполярный признак, альтернатива.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей восприятия, стигматизируемыми различного рода ситуаций (враждебных, дружелюбных, нейтральных) и себя в этих ситуациях, а также особенностей их реагирования на враждебность окружающих. Предполагалось, что в закреплении за человеком роли жертвы стигматизаторов не последнюю роль играет то, как он воспринимает и интерпретирует отношение к нему окружающих: нейтральное и даже положительное отношение окружающих рассматривается как враждебное. В результате поведение человека не вполне адекватно ситуации.

Выборка элементов должна быть репрезентативна относительно исследуемой сферы. Поэтому в качестве элементов были подобраны ситуации, с которыми испытуемый мог столкнуться в группе, членом которой он является. В наборе ситуаций были представлены различные аспекты выбранной области исследования:

а) ситуации, в которых отношение окружающих к испытуемому негативно окрашено;

б) ситуации, в которых отношение окружающих к испытуемому негативно не окрашено;

в) нейтральные ситуации, которые могут быть оценены и позитивно и негативно.

Репертуар элементов содержал 15 ситуаций: «я нравлюсь другим», «я не нравлюсь другим», «меня хвалят», «мне делают замечание», «я добился успеха в учебе», «я потерпел неудачу», «меня обзывают», «меня бьют», «меня игнорируют, не принимают в компанию», «меня защищают», «меня обвиняют», «надо мной шутят», «меня обижают», «я умею делать что-то очень хорошо», «за моей спиной раздается смех».

Выявление конструкторов осуществлялось при помощи диадического метода, где испытуемому предлагалось определить и назвать сходство или различие между предлагаемыми ситуациями. Метод триад (метод минимального контекста, предложенный Келли) оказался слишком сложным для испытуемых 12–13 лет. Им было трудно работать с предъявляемыми элементами, в качестве которых выступали не конкретные объекты, а ситуации. Вероятно, трудности были также связаны с недостаточно высоким уровнем развития речевого навыка.

С учетом возникших трудностей, а также цели исследования было принято решение задать конструкторы. Использование в исследовании заданных конструкторов было обусловлено также необходимостью обеспечить сопоставимость результатов. Кроме того «люди могут и не использовать конструкторы, которые вы обоснованно полагаете важными для них» [22, с. 54]. Подготовив конструкторы заранее, экспериментатор предлагает вербальный язык, к которому испытуемый привяжет свой собственный конструктор. В состав заданных конструкторов вошли выявленные в процессе исследования конструкторы, а также конструкторы, наличие которых позволило бы проверить поставленную гипотезу.

Были заданы следующие конструкторы:

1. Часто бывает – редко бывает;
2. Враждебная ситуация – дружелюбная ситуация;
3. Тягостная ситуация – легкая ситуация;
4. Ситуация, в которой я сильный – ситуация, в которой я слабый;
5. Ситуация, в которой я агрессивный – ситуация, в которой я спокойный;
6. Ситуация, в которой я замкнутый – ситуация, в которой я открытый;
7. Ситуация, в которой я уверен в себе – ситуация, в которой я не уверен в себе;
8. Ситуация, в которой я нравлюсь себе – ситуация, в которой я не нравлюсь себе;
9. Ситуация, в которой я подозрителен – ситуация, в которой я доверчив;
10. Ситуация, в которой я плачу – ситуация, в которой я не плачу.

Заполнение решеток не могло вызвать у испытуемых 12–13 лет трудности, связанные с непониманием, как это выполнить, что могло повлечь за собой множество ошибок. Поэтому использовался карточный вариант методики. Каждый элемент был

написан на отдельной карточке. Порядковый номер каждой карточки (от 1 до 15) был нанесен на обратную сторону для того, чтобы испытуемый мог работать с ними, размышляя над элементами, а не над их порядковыми номерами. Испытуемый должен был разделить карточки на две группы, относя их к тому или иному полюсу конструкта, то есть оценить каждый элемент по каждому конструкту. Результаты заносились в бланк самим исследователем.

Применялась оценочная решетка типа «галочек и пробелов», то есть использовалась дихотомическая оценочная шкала. В матрице проставлялась галочка, если элемент относился к левому полюсу конструкта, и оставлялся пробел, если к правому [21].

При проведении исследования в качестве испытуемых выступали учащиеся средних школ г. Витебска в возрасте 12–13 лет. Это подростковый возраст, возраст перехода от детства к взрослости, который характеризуется резкими качественными изменениями, затрагивающими все стороны развития. При этом развитие осуществляется неравномерно. Существует значительная индивидуальная вариантность темпов развития. Для подростка нередко характерны повышенная тревожность, возбудимость, импульсивность, неуправляемость. Подросток стремится понять себя, свои возможности и особенности. С этим связаны резкие колебания в отношении к себе, неустойчивость самооценки, обострение реакции на мнение окружающих, повышенная обидчивость. Возможны неудовлетворенность собой, проявление враждебности к остальным. Подростку непереносима мысль, что он смешон и нелеп в глазах других. Существенное значение имеет чувство принадлежности к особой «подростковой» общности и к определенной ее группе, отличающейся интересами, формами проведения досуга, а также одеждой, языком и т.д. [11, с. 265–266]. В результате любое несоответствие нормам и ценностям группы может с большой вероятностью стать предпосылкой стигматизации. Учитывая особенности подросткового возраста, можно предположить, что именно в этот возрастной период феномен стигматизации будет проявляться наиболее ярко и может иметь самые серьезные негативные последствия для стигматизированного. Ведь подросток испытывает потребность в самоутверждении и общении со сверстниками. Данное предположение нашло свое подтверждение. Как отмечают школьные практические психологи, именно в среде школьников подросткового возраста стигматизация проявляется наиболее ярко и часто.

С использованием описанного выше варианта техники репертуарных решеток было исследовано 30 школьников-подростков, в той или иной степени подвергающихся стигматизации в группе одноклассников, а также 30 подростков (контрольная группа испытуемых), не являющихся стигматизированными, по отношению к которым в группе большинство испытывает симпатию и к которым дружелюбно относятся.

В целях выявления испытуемых, а также получения дополнительной информации о них проводилась беседа со школьными психологами и классными руководителями. Задавались вопросы о том, есть ли в классе ученик (ученики), к которому сверстники относятся враждебно, испытывают неприязнь, унижают, оскорбляют, обзывают, бьют; кто этот ученик; как он реагирует на враждебное отношение одноклассников и т.д. Классные руководители были заинтересованы в проведении исследования, так как открывалась возможность получить полезную для них информацию.

Проведение исследования сопровождалось беседой с испытуемыми, которая помогла установить контакт с подростками, а также получить необходимую информацию о них. В процессе беседы особенно важно было формулировать вопросы мягко и корректно, сохранять непринужденную обстановку, проявлять интерес к испытуемому, так как подростки, испытывающие враждебное отношение одноклассников, сильно переживают и нуждаются в понимании и поддержке. Задавались вопросы о достоинствах и недостатках класса, в котором учится подросток, о том, нравится ли ему учиться в этом классе, что бы он хотел изменить, что больше всего ценит в одноклассниках и что в них не нравится и т.д. Можно отметить заинтересованное и серьезное отношение испытуемых к исследованию.

Для получения дополнительной информации о стигматизируемых в ряде случаев использовалась проективная рисуночная методика исследования личности «Несуществующее животное» [24]. От испытуемого требовалось придумать и нарисовать несуществующее животное, а также дать ему ранее не существовавшее имя. Проведение тестирования состоит из двух частей: рисования и беседы. В беседе по рисунку особое внимание уделялось вопросам: Есть ли у животного друзья? Есть ли у него враги? Как животное защищается от врагов? Всего было собрано 16 рисунков, анализ которых позволил выдвинуть некоторые гипотезы об особенностях реагирования стигматизируемых на враждебное к ним отношение, а также о некоторых особенностях их личности.

Проводился также опрос школьных практических психологов. Использовался метод полустандартизированного («фокусированного») интервью, предполагающий перечень строго необходимых и возможных вопросов [25]. Вопросы открытые. Среди них следующие вопросы: Имели ли место в Вашей практике случаи враждебного отношения (унижают, обзывают, бьют, не принимают и т.д.) учеников к кому-то из одноклассников? В чем проявлялось их враждебное отношение? Кто был их «жертвой» (возраст, пол, успеваемость и т.д.)? С чем с Вашей точки зрения, связано такое отношение сверстников к нему? Как он реагировал на враждебность окружающих?

Таким образом, было описано еще 26 случаев стигматизации.

Результаты исследования и их анализ

Был произведен качественный анализ полученных результатов. В контрольной группе испытуемых выявленные конструкты менее разнообразны, чем в группе испытуемых, подвергающихся стигматизации. Нестигматизированные дифференцировали предложенные им ситуации на хорошие (радостные, неплохие, положительные, нормальные) и плохие, приятные и неприятные, нравящиеся и нет. В этой группе испытуемых были выявлены также конструкты, отражающие зависимость ситуации от их собственных усилий: «меня хвалят, так как я хороший – я плохой», «зависит от меня – не зависит от меня», что практически не встречалось среди стигматизируемых.

В группе испытуемых, подвергшихся стигматизации, было выявлено большее количество конструктов, выявленные конструкты более разнообразны, а следовательно, восприятие и оценка предложенных ситуаций более дифференцированная. Наряду с «приятная-неприятная», «хорошая-плохая» и т.д. встречались следующие конструкты: «успешная-неудачная», «справедливая-несправедливая», «злая-добрая». Интерес представляет конструкт «я не такой, как все – я такой, как все». Ведь именно отличие от

большинства рассматривается как основная предпосылка стигматизации. Восприятие нейтральных, позитивно и негативно окрашенных ситуаций в этой группе испытуемых осуществляется через призму их внутренних переживаний («обидная-необидная», радостная, счастливая, безразличная», «я переживаю – не переживаю», «мне больно – мне нравится»), их поведения («даю сдачи – не даю сдачи»), отношения к ним окружающих в этих ситуациях («черная зависть, мне завидуют – не завидуют», «меня не любят-любят», «издеваются – не издеваются», «уважают – не уважают», «хвалят – не хвалят»).

Таким образом, системы смысловых понятий стигматизируемых и испытуемых контрольной группы, лежащие в основе восприятия ими предложенных ситуаций, различаются. Восприятие, оценка, интерпретация подростками, подвергающимися стигматизации, ситуаций враждебного, дружелюбного и нейтрального отношения окружающих осуществляется более дифференцированно, разносторонне, с использованием большого количества параметров, критериев оценки (больше когнитивная сложность) по сравнению с контрольной группой испытуемых. Дифференциация подобных ситуаций осуществляется с точки зрения их знака (положительная / отрицательная), справедливости и других характеристик, а также внутренних переживаний, поведения самого человека и отношения к нему окружающих в этих ситуациях.

Был проведен количественный анализ полученных результатов. Подростки, подвергающиеся стигматизации, чаще попадают в ситуации, в которых окружающие враждебно к ним относятся, когда они кому-то не нравятся, когда их бьют, игнорируют, не принимают, обвиняют, обижают, обзывают. Это и есть проявления стигматизации. Вербальная форма стигматизации (обзывают) встречается наиболее часто (80%), реже ее физические проявления (бьют (20%)). Испытуемые контрольной группы редко сталкиваются с подобными ситуациями (17% и менее). Чаще всего они нравятся другим (73%), добиваются успеха (73%) и похвалы (70%). Стигматизируемых чаще обвиняют и реже хвалят по сравнению с их сверстниками. (Здесь и далее речь идет о статистически значимых различиях между двумя группами испытуемых). Они реже, чем их сверстники, успешны (60% и 27% соответственно) и чаще испытывают неудачу (20% и 0% соответственно). Их реже защищают. Вероятно, это связано с возможностью распространения стигмы на защитника ее носителя, о чем говорил Goffman [18]. В результате этого стигматизируемый может стать изгоем, то есть отверженным человеком, которого не принимают, игнорируют.

Стигматизируемые большее количество ситуаций, чем их сверстники, воспринимают как враждебные и тягостные. Ситуация «у меня за спиной раздается смех» чаще привлекает их внимание (47% по сравнению с 17 % в контрольной группе), и смех чаще воспринимается как относящийся к ним и тягостный. Ситуация замечания и шутки подростками, подвергающимися стигматизации, переживаются как враждебные чаще (53% и 40% соответственно) по сравнению с нестигматизированными (27% и 17% соответственно). 27% испытуемых, подвергающихся стигматизации, переживают как тягостные ситуации, в которых они добиваются успеха. В процессе беседы с ними было установлено, что в таких ситуациях, с их точки зрения, окружающие испытывают зависть и враждебность к ним. Интересно также, что в неприятных ситуациях стигматизированные реже чувствуют себя слабыми, чем нестигматизируемые.

Неуверенность в себе в группе стигматизируемых чаще всего вызывают ситуации антипатии (83% испытуемых), а в контрольной группе – ситуации неудачи (87% испытуемых).

Большинство испытуемых, подвергающихся стигматизации, (67–77%) отмечают, что в ситуациях стигматизации, когда их игнорируют, не принимают, бьют, обижают, обзывают, испытывают к ним неприязнь, они замкнуты и подозрительны. Такая реакция на стигматизацию для них характерна в большей степени, чем для нестигматизируемых. Исключение составляет ситуация игнорирования, непринятия.

Большее количество испытуемых из группы стигматизируемых, чем из контрольной группы испытуемых, в ситуациях стигматизации, за исключением ее физических проявлений, может расплакаться. Это рассматривается в подростковой среде как проявление слабости, о чем свидетельствует высокая отрицательная корреляция между конструктами 4 и 10.

Большее количество стигматизированных по сравнению с контрольной группой считают себя агрессивными, вспыльчивыми, неуравновешенными, когда они не нравятся другим, когда им делают замечание, игнорируют и не принимают в компанию. Следует отметить, что перечисленные ситуации не всегда являются враждебными, и агрессивный ответ на них может запустить в ход механизм самоподтверждающегося пророчества. Тогда отношение окружающих действительно станет враждебным.

Таким образом, можно сделать вывод, что стигматизированные подростки, по сравнению с их сверстниками, не подвергающимися стигматизации, большее количество ситуаций воспринимают как тягостные и враждебные, а свое поведение в некоторых из них как агрессивное. В неприятных ситуациях они чаще плачут и становятся замкнутыми, чем испытуемые контрольной группы.

Был также осуществлен корреляционный анализ имеющихся данных. Для этого элементы были проанжированы по каждому конструкту в зависимости от того, насколько они соответствуют его левому полюсу. Затем были подсчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между всеми парами конструктов. Использовался пакет статистических программ для социальных наук SPSS. Корреляционная матрица конструктов позволяет обнаружить имплицитные связи между ними. Существенное различие между двумя полученными таким образом матрицами (для двух групп испытуемых) заключается в следующем. В группе испытуемых, подвергающихся стигматизации, корреляции конструкта «часто бывает – редко бывает» с другими конструктами очень низкие. В другой группе испытуемых корреляции высокие. Последние часто уверены в себе (0.915), нравятся себе (0.947), чувствуют себя сильными (0.831), редко бывают агрессивными (-0.668), замкнутыми (-0.75), редко плачут (-0.743), редки враждебные (-0.847), тягостные (-0.763) ситуации (уровень значимости 0.01).

Корреляция конструктов «ситуация, в которой я агрессивный – спокойный» и «ситуация, в которой я замкнутый – открытый» высокая (0.759) в группе испытуемых, подвергающихся стигматизации, то есть в их восприятии замкнутость и агрессивность, неуравновешенность сопровождают друг друга.

В остальном статистически значимых различий между двумя группами испытуемых не обнаружено. Хотя можно отметить для группы стигматизируемых более

высокие корреляции конструкта «ситуация, в которой я агрессивный – спокойный» с конструктами «я сильный – слабый», «уверен в себе – не уверен в себе (отрицательные)», «враждебная ситуация – дружелюбная», «тягостная – легкая», «ситуация, в которой я плачу – не плачу» (положительные). Агрессивность рассматривается как проявление слабости, неуверенности, имеет место во враждебных, тягостных ситуациях. Корреляция между конструктами «ситуация, в которой я замкнутый – открытый», «враждебная ситуация – дружелюбная», «я плачу – не плачу» также несколько выше, чем в другой группе испытуемых.

Полученные результаты подтверждают сделанные ранее выводы о том, что во враждебных и тягостных ситуациях стигматизируемые считают себя замкнутыми, агрессивными и вспыльчивыми, могут расплакаться.

Матрицы интеркорреляций были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент. Для выборки испытуемых, подвергающихся стигматизации, факторная матрица выявила наличие двух основных факторов. Фактор 1 – «Характер переживания ситуации» – объединил практически все предложенные конструкты, за исключением конструкта «часто бывает – редко бывает». Содержание фактора продемонстрировало еще раз, как переживание человеком ситуации, его состояние и поведение в ней зависят от характера этой ситуации (приятная или неприятная). Фактор 2 – «Субъективная частота ситуации» – имеет единственную доминантную нагрузку на конструкте «часто бывает – редко бывает» (0.989) и образует одну из значимых детерминант субъективного опыта испытуемых.

Факторный анализ матрицы интеркорреляций контрольной группы испытуемых позволил выделить только один фактор – «Характер ситуации», отражающий особенности восприятия ситуаций, а также себя в этих ситуациях.

Таким образом, можно сказать, что восприятие стигматизируемыми подростками нейтральных, позитивно и негативно окрашенных ситуаций детерминировано двумя когнитивными параметрами: характером переживания – ситуации и ее субъективной частотой.

Техника репертуарных решеток – метод исследования личности, направленный на выявление особенностей индивидуального сознания. Поэтому особый интерес представляет анализ отдельных случаев стигматизации, исследованных при помощи этой техники. Для анализа было отобрано пять репертуарных решеток, заполненных подростками, подвергающимися стигматизации, а также результаты исследования с помощью методики «Несуществующее животное» и беседы. Был проведен корреляционный и факторный анализ полученных данных.

Дмитрий С. (13 лет). Добрый, всем помогает, никому не может отказать. В классе своем учиться не хочет, «потому что, когда им делаешь добро, они отвечают злом». Учится хорошо. Им пользуются (сделал стенгазету, помогает с домашним заданием и т.д.) и в ответ обижают: обзывают, бьют. Считает, что ему завидуют, когда он добивается успеха (конструкт «белая зависть – черная зависть»). Хочет стать художником. Считает себя не таким, как все, не похожим на других, то есть добрым, доверчивым, за что его и не любят, не понимают, не принимают (конструкт «я не такой, как все – я такой, как все»). Возможна лишь защитная агрессия. Чувствует себя в классе одиноким, отшельником. В людях особенно

ценит доброту и правдивость. Непохожесть на других, доброта и безобидность могли послужить предпосылками его стигматизации.

Часто бывает доверчивым (-0.764; 0.001). Не хочет быть подозрительным (-0.6; 0.018), агрессивным (-0.564; 0.029). Агрессия воспринимается, как проявление слабости (-0.739; 0.002). Он не нравится себе, когда чувствует себя слабым (0.764; 0.001), не уверен в себе (0.6; 0.018). Ситуации, в которых он чувствует свою слабость, неуверенность в себе, подозрителен, может вспылить, тяготят его. Факторный анализ позволил следующим образом реконструировать систему смысловых параметров, лежащих в основе восприятия Дмитрием предлагаемых ситуаций и себя в этих ситуациях. Было выделено два таких параметра (два фактора): 1) то, насколько он в ситуации такой, каким не хочет быть, тяготеет к тому, не нравится себе (слабый, вспыльчивый, агрессивный, не уверен в себе); 2) каким ему свойственно быть обычно (часто бывает доверчивый, не такой, как все, добрый, чувствительный).

Александр З. (13 лет). Добрый, дружелюбный, веселый. С одноклассниками ладит хорошо. Его игнорируют, не принимают, не хотят с ним дружить. Особенно не нравится он двум одноклассникам, которые могут его побить, обозвать. Стремится наладить отношения с ребятами и иногда успешно, но ненадолго. В людях ценит красоту, доброту, ум и трудолюбие. Характерно ощущение собственной малости и незначительности. В ситуациях стигматизации становится замкнутым, возможна защитная агрессия. Учится плохо. Физически слабее своих сверстников. Это могло послужить предпосылкой его стигматизации.

Во враждебных ситуациях становится замкнутым (0.873; 0.001), подозрительным (0.661; 0.007), неуверенным в себе (-0.756; 0.001), не нравится себе (-0.661; 0.007), может расплакаться (0.756; 0.001), чувствует обиду (0.661; 0.007). Часто бывает, что над ним издеваются (0.607; 0.016). В восприятии различного рода ситуаций, в которые он попадает, приятных и враждебных, для него значимы его переживания (конструкт «мне обидно – не обидно»), а также отношение окружающих (конструкт «надо мной издеваются – не издеваются»).

Екатерина К. (13 лет). Неусидчивая, подвижная, вспыльчивая. С одноклассниками ладит плохо. Ее обзывают, бьют. Легко может дать сдачи, агрессивно реагирует на враждебность окружающих. Хочет измениться, стать более спокойной, но ей не удается себя сдерживать. Недостаток общения дома пытается компенсировать, разговаривая на уроках, мешая одноклассникам. В результате – плохое поведение, замечание учителей и плохое отношение учеников. Стремится изменить свои отношения с одноклассниками, найти общий язык с окружающими. В людях ценит доброту и отзывчивость. Вспыльчивость, агрессивность, плохое поведение, отсутствие успехов в учебе, думается, послужили предпосылками ее стигматизации.

Восприятие и понимание предъявленных ситуаций осуществляются через призму внутренних переживаний (конструкт «мне обидно – мне не обидно»), а также поведения в этих ситуациях (конструкты «даю сдачи – не даю сдачи», «редко – часто, так как плохое поведение»). Об этом также свидетельствует выделенная факторная структура. Фактор 1: внутреннее состояние (подозрительность – доверчивость, замкнутость – открытость, обидно или нет, уверенность в себе – неуверенность в себе, тягостно – легко).

Фактор 2: поведение в зависимости от степени враждебности ситуации (агрессивное – спокойное, даю сдачи – не даю сдачи, плачу – не плачу).

Корреляционный анализ показал, что во враждебных ситуациях чувствует себя слабой (-0.661; 0.007), вспыльчива, агрессивна (0.661; 0.007), часто дает сдачи (0.661; 0.007). Чувствуя себя слабой, может расплакаться (-0.707; 0.003). Часто бывают тягостные ситуации (0.661; 0.007). Тяготят неуверенность в себе (-0.732; 0.002), замкнутость (0.764; 0.001), подозрительность (0.661; 0.007), опущение собственной слабости (-0.756; 0.001), чувство обиды (0.661; 0.007). Агрессия не воспринимается как проявление силы (-0.7; 0.004).

Антон М. (13 лет). Добрый, нежный, чувствительный. В своем классе ни с кем не дружит. Класс ему не нравится, так как он недружный и в нем все называют друг друга по фамилии или кличке. Он не хочет учиться в этом классе. В классе его не любят, обзывают, могут побить. Его не понимают, так как он «не такой, как все». («К сожалению, я никогда не видел человека, понимающего меня»). В людях особенно ценит понимание, доброту и вежливость. В одноклассниках не нравится эгоизм и хладнокровность. Тяжело переживает, когда его не принимают, игнорируют. Хочет измениться, стать обычным, таким, как все.

Характерно ощущение собственной малости, незначительности и желание изменить свое положение и отношение окружающих. Учится плохо. Плохая успеваемость, нежность и чувствительность («как у девочки»), доброта и безобидность, непохожесть на большинство, вероятно, послужили предпосылками его стигматизации. Непонимание, неприятие, враждебность окружающих имеет место не только в школе. Куда бы они ни попал (в летнем лагере, дворовой компании, больничной палате и т.д.) происходит то же самое.

Хочет быть уверенным в себе (0.784; 0.001) и доверять людям (-0.583; 0.022). Не чувствуя уверенности в себе, становится замкнутым (-0.555; 0.032). В восприятии различного рода ситуаций, в которые он попадает, для него важны его внутренние переживания (конструкт «мне больно – приятно»).

Была получена аналогичная предыдущему случаю факторная структура. Фактор 1: внутреннее состояние, переживания. Фактор 2: поведение в зависимости от степени враждебности ситуации.

Андрей С. (13 лет). Веселый, разговорчивый, общительный. Учится «так себе». В классе его не любят. Ему класс нравится, он хотел бы продолжить в нем учиться. Плохо только, что одноклассники «лезут без причины драться». Физически он слабее, меньше других ребят. Над ним смеются, его обзывают. Характерно агрессивное реагирование на враждебное отношение окружающих, защитная агрессия. Добрый, хотел бы защищать тех, кого обижают. В людях особенно ценит доброту. Семейная ситуация неблагоприятна (родители пьющие), поэтому он не всегда ухожен и аккуратен. Неаккуратный внешний вид, отставание от сверстников в физическом развитии, слабость и безобидность, отсутствие успехов в учебе могли послужить предпосылками его стигматизации. Результаты корреляционного анализа показали, что во враждебных, тягостных ситуациях он чувствует себя слабым (-0.6; 0.018), замкнут (0,6; 0.018), агрессивен (0.661; 0.007), чувствует обиду (0.535; 0.04). Слабость и агрессивность в себе не нравятся (0.577; 0.024 и -0.7; 0.004 соответственно). Агрессия не воспринимается как проявление силы (-0.577; 0.024). Чувствуя обиду, может расплакаться (0.535; 0.04).

В восприятии различного рода приятных и неприятных ситуаций, в которые он попадает, для него важны его чувства, переживания (конструкт «мне обидно – радостно»).

Анализ отдельных случаев показал не только наличие выявленных ранее закономерностей интерпретаций ситуаций стигматизируемыми подростками, их поведения во враждебных ситуациях, но и качественное своеобразие каждого из описанных случаев. Внимательное отношение к особенностям проявления стигматизации в каждом конкретном случае – необходимое условие ее успешного преодоления.

Для изучения особенностей проявления стигматизации проводилось интервью со школьными психологами, которыми было описано еще 26 случаев стигматизации. Большая часть описанных случаев (77%) имели место в средних классах (11–15 лет) – подростковый возраст; 23% случаев – в младших классах. Проявлений стигматизации в более старшем возрасте описано не было.

Результаты опроса были дополнены сведениями, полученными в процессе беседы с подростками, подвергающимися стигматизации, и их классными руководителями, а затем подвергнуты анализу. В результате были выделены возможные предпосылки стигматизации в младшем и среднем школьном возрасте, способы реагирования на враждебное отношение сверстников, а также формы стигматизации (в чем проявляется это враждебное отношение).

В качестве возможных предпосылок стигматизации указывались следующие:

1. Успеваемость, уровень интеллектуального развития: низкая успеваемость (57% случаев) или напротив слишком высокий уровень знаний, оригинальность и независимость мышления (17%) по сравнению с большинством.

Отличие от большинства в одной из основных и наиболее значимых сфер деятельности может легко послужить предпосылкой стигматизации.

80% подвергающихся стигматизации подростков, участвовавших в исследовании, учатся плохо. Это еще раз подтверждает положение о том, что стигматизированные, как правило, малозначимы для группы, обладают низким уровнем знаний, некомпетентны.

2. «Плохое» поведение (47%): грубость, агрессивность, гиперактивность, хвастовство, принадлежность к плохой компании, воровство, ложь.

Результатом является негативное отношение учителей, что может стимулировать и негативное отношение одноклассников, особенно при отсутствии поддержки ученика со стороны классного руководителя.

3. Внешний вид (43%): физическая непривлекательность, отставание или опережение (у девочек) сверстников в физическом развитии, неопрятность.

4. Неблагополучие в семье (23%): родители воруют, пьют, страдают психическими заболеваниями и т.д.

5. «Новенький» в классе (17%).

6. Социальный статус (10%): из более обеспеченной или менее обеспеченной семьи по сравнению с остальными и т.д.

7. Завышение оценок учителями: тот факт, что кто-то из родителей является учителем, стремление выслужиться перед учителем (10%).

Были выделены следующие формы стигматизации:

1. Вербальная форма стигматизации наиболее распространена (87%): обзывание, обидные прозвища и клички, оскорбления, обвинения, колкости, попытки задеть, подразнить, насмешки, угрозы и запугивание.

2. Неприятие, отвержение (63%), которое проявляется в игнорировании, нежелании дружить, общаться, сидеть за одной партой и т.д. Одно из проявлений – бойкот.

3. Физическая форма стигматизации (53%): стигматизированного могут ударить, избить. Следует заметить, что физическая форма стигматизации с возрастом проявляется все реже и уступает место другим ее формам.

4. Другие формы причинения вреда (прячут тетради с домашним заданием, портфель, мешают отвечать на уроке и т.д.).

Отмечают также, что одноклассники используют их для своих целей (20%): списывают, просят что-то сделать (например, стенгазету), пользуются их вещами и т.д.

Было описано несколько случаев стигматизации ученика со стороны учителей, которые таким образом компенсируют свою некомпетентность, обвиняя в своих неудачах школьников с плохим поведением и низким уровнем знаний.

В ответ на враждебное отношение сверстников возможны следующие реакции:

1. Пассивная реакция (53%): стигматизируемый замыкается, уходит в себя, молча терпит, не сопротивляется, не пререкается, хотя тяжело переживает враждебное отношение окружающих, плачет (30%).

2. Активная реакция (23%): ответная агрессия (в ответ может ударить, обозвать и т.д.).

3. Игнорирование (13%): не обращает внимания, не воспринимает проявления враждебности серьезно, обращая все в шутку. Это происходит чаще в тех случаях, когда стигматизируемому достаточно общения вне этой группы. Интенсивность стигматизации в этих случаях была ниже.

Были также обнаружены тенденции и изменению себя, своего поведения (например, не выделяться в учебе, стать таким, как все), чтобы улучшить отношение окружающих.

Наиболее распространенной, таким образом, является пассивная реакция на стигматизацию. Можно сделать предположение, что эта реакция является результатом формирования выученной беспомощности в таких ситуациях и способствует закреплению стигмы за человеком.

Результаты использования проективной рисуночной методики также позволяют выделить эти 3 формы реагирования на стигматизацию. В беседе по рисунку указывались следующие способы защиты от нападков недоброжелателей, врагов. «Убегает», «прячется», «может промолчать» соответствует выделенной ранее пассивной реакции на враждебное отношение окружающих. Активной реакции соответствуют следующие способы защиты: «сам нападает», «огнем», «когтями» и т.д. Такие способы, как «рассмешит», «не боится врагов», соответствуют реакции игнорирования. Прослеживается отсутствие понимания со стороны окружающих и желание найти с ними общий язык.

Полученные результаты подтверждают выводы, сделанные в ходе анализа репертуарных решеток.

Анализ собранных рисунков и последующей беседы позволил сделать предположение о наличии следующих тенденций. Об ощущении собственной малости, незна-

чительности свидетельствуют очень маленькие и небольшие размеры рисунка в большинстве (75%) случаев. Как эмоциональность, спонтанное, с опорой на свои чувства поведение трактуется смещение рисунка влево (75%; остальные рисунки не смещены). Положение рисунка ближе к верхнему краю (44%) свидетельствует о недовольстве своим положением, претензии на признание. Треть испытуемых расположили свои рисунки ближе к нижнему краю, что является показателем низкой самооценки, подавленности, стремления быть незаметным. В половине случаев можно говорить о наличии агрессии, вербальной и физической (острые дополнительные детали в рисунке, рога, когти, зубы и т.д.). Характер агрессии – спонтанная или защитно-ответная. В половине из них агрессия направлена против насмехающихся или занимающих более низкое положение (острые детали направлены вниз).

Наиболее значимыми качествами являются доброта и желание помочь другим, а также вежливость, нежность, дружелюбие и миролюбивость. Животное могло быть только внешне «злое, а внутри доброе», или «злое, чтобы защищаться, когда ему делают плохо».

Более половины испытуемых указали на наличие врагов, недоброжелателей, которые хотят их «выжить», «уничтожить», «грубят» и т.д., а также на отсутствие друзей, чувство одиночества, «отшельничество».

Часто звучали такие фразы: «его никто не понимает», он не имеет друзей, у него много врагов, так как он «не такой, как все», «так как он некрасивый», «его хотят выжить, так как он мешает им», «враги грубят ему», «люди – враги» и т.д. Полученные результаты, таким образом, подтверждают и дополняют сделанные ранее выводы.

В процессе беседы с испытуемыми, трое из них сообщили, что являются объектом враждебного отношения не только со стороны одноклассников, то есть подвергающихся стигматизации и в других группах, членами которых они являются. Возможно, это результат выученной беспомощности, то есть своеобразной предуготованности к повторению неприятного опыта, в данном случае враждебности окружающих, в новых обстоятельствах.

В качестве стигматизаторов в подростковой среде могут выступать все члены группы, несколько членов группы при индифферентном отношении остальных, члены группы одного пола со стигматизируемыми или члены группы противоположного пола.

Стигматизации в малых группах могут подвергаться не только отдельные их члены, но и микрогруппы внутри них. В классе это могут быть 2 или 3 под ростка, которые дружат друг с другом. Вероятно, такие случаи являются результатом иррадиации стигмы, на возможность которой указывал Goffman.

Следует отметить, что стигматизация имеет место далеко не во всех группах. Возможно, в таких группах используются другие более адаптивные стратегии борьбы с возникающим в кризисных, фрустрирующих, затруднительных ситуациях напряжением, возможно подобное напряжение возникает в этих группах крайне редко и разрядка от него носит ситуативный и кратковременный характер.

Сделанные выводы позволяют предположить, что в плане преодоления стигматизации полезными являются следующие меры: коррекция атрибутивного стиля и преодоление выученной беспомощности; тренинги умений отвечать на враждебное отно-

шение окружающих; поддержка стигматизируемого со стороны авторитетного лица (например, учителя, лидера в группе и других).

В данной статье был предпринят психологический анализ феномена стигматизации, осуществлен обзор существующих подходов к объяснению природы и специфики этого социально-психологического явления, а также путей преодоления проблемы стигматизированности. При этом стигматизация рассматривалась в структуре предубеждений.

Стигматизация чревата негативными последствиями для человека, ставшего ее жертвой, в частности, формированием выученной беспомощности, то есть своеобразной предуготованности к повторению неприятного прошлого в новых обстоятельствах, а также формированием особого объяснительного стиля, когда нейтральное и даже дружелюбное отношение окружающих интерпретируется стигматизируемыми как враждебное. Стигматизируемые большее количество ситуаций по сравнению с их сверстниками воспринимают как враждебные и тягостные и даже дружелюбное отношение окружающих интерпретируют как проявление неприязни. Наиболее распространенной реакцией на стигматизацию является замкнутость и пассивность стигматизируемых, что возможно при выученной беспомощности. Была предпринята попытка спроецировать результаты исследования на проблему преодоления стигматизации.

Результатом исследования является выделение и описание ситуативных и поведенческих предпосылок стигматизации, форм стигматизации, особенностей реагирования на нее, то есть специфики проявления стигматизации в подростковом возрасте, а также возможных путей ее преодоления.

Л и т е р а т у р а

1. *Douglas T. Scapegoats*. Transferring blame. London, New York, 1993.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Рус.яз., 1987. – С. 228.
3. *Налчаджян А.А.* Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1988. – 262 с.
4. *The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology / edited by Manstead A.S.R., Hewstone M.* – L.: Blackwell Publishers, 1998. – P. 633.
5. *Communicating prejudice / M.L.Hecht (Ed.)*. Thousand Oaks, 1998.
6. *Зимбардо Ф.* Застенчивость (что это такое и как с ней справиться). – СПб.: Питерс Пресс, 1996. – С. 68, 69.
7. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 363.
8. *Brown R.* Intergroup Relations, in M. Hewstone, W. Strobe, G.M. Stefenson (eds.) Introduction to Social Psychology, Blackwell, Publisher LTD, 1996. – P. 533.
9. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 668 с. – С. 681.
10. *Бэррон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб.: Питер, 1997. – С. 26.
11. Психологический словарь / Под ред. *В.П. Зинченко, Б.Г. Мецеракова*. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – С. 287.
12. *Юнг К.Г.* Избранное. – Мн.: ООО Попурри, 1998. – 448 с.
13. *Кон И.С.* Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978. – С. 86.

14. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. – Л.: Наука, 1983. – С. 130.
15. *Хекзаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т.2. – М., 1987. – С. 73.
16. *Янчук В.А.* Межличностная аттракция и детерминирующие ее факторы // Адукацыя і выхаванне. 1998. № 5. – С. 58.
17. *Гозман Л.Я., Ажгихина Н.И.* Психология симпатий. – М.: Знание, 1988. – С. 11.
18. *Goffman E.* Stigma: Notes ones on the management of spoiled identity. Harmonds-worth, 1986. – С. 14.
19. *Мелибруда Е.Я* – Ты – Мы: Психологические возможности улучшения общения. – М.: Прогресс, 1986. – С. 202.
20. *Devine P.G.* Prejudice and Out-Group Perception, in A.Tesser (ed.) Advanced Social Psychology, McGraw-Hill, 1995.
21. Общая психодиагностика / Под ред. *А.А. Бодалева, В.В. Столина.* – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 37
22. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. – М.: Прогресс, 1987. – С. 25.
23. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 68.
24. *Бурлачук Л.Ф.* Введение в проективную психологию. – К.: Ника-Центр, 1997. – С. 79.
25. Методы социальной психологии / Под ред. *Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова.* – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 175 с.